

УДК 82.09-1

DOI: 10.28995/2686-7249-2019-6-152-160

О.Э. Мандельштам
в круге чтения А.Б. Мариенгофа

Олег В. Демидов

*Лицей Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики», Москва, Россия,
romantuwka@bk.ru*

Аннотация. В представленной статье впервые показывается, насколько пристальным было внимание А.Б. Мариенгофа к творчеству О.Э. Мандельштама и насколько интенсивным было чтение, в том числе – чтение текстов, ходивших в самиздате. Сделать такой вывод позволяют найденные реминисценции и аллюзии в ранее не публиковавшейся пьесе «Актер со шпагой» (1944), поэтические строчки, которыми признаются в любви герои пьесы «Золотой обруч» (1945), а также ряд стихотворений из «Воронежских тетрадей», которые цитируются А.Б. Мариенгофом в мемуарной книге «Это вам, потомки!».

Ключевые слова: Мандельштам О.Э., Мариенгоф А.Б., «Исход», «Золотой обруч», «Актер со шпагой»

Для цитирования: Демидов О.В. О.Э. Мандельштам в круге чтения А.Б. Мариенгофа // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 6. С. 152–160. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-6-152-160

O.E. Mandelstam in the reading of A.B. Mariengof

Oleg V. Demidov

*Lyceum of National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia, romantuwka@bk.ru*

Abstract. This article for the first time shows, how close was A.B. Mariengof's attention to the work of O.E. Mandelstam and how intense was the reading, including reading texts that went to samizdat. The reminiscences and allusions found in the previously unpublished play "Actor with a Sword" (1944), poetic lines by which the heroes of the play "Golden Hoop" declare their love (1945), and a number of verses from "Voronezh Notebooks", that are quoted by A.B. Mariengof in the memoir book "This is for you, descendants!".

© Демидов О.В., 2019

Keywords: Mandelshtam O.E., Mariengof A.B., “Exodus”, “Golden Hoop”, “Actor with a Sword”

For citation: Demidov, OV. (2019), “O.E. Mandelstam in the reading of A.B. Mariengof”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 6, pp. 152–160. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-6-152-160

Осенью 1918 г. в Пензе выходит альманах «Исход». В нем появляются первые имажинистские стихи А. Мариенгофа и И. Старцева, а также печатается стихотворение «Декабрист» (1917) О. Мандельштама, которое оканчивалось строчками:

Все перепуталось, и некому сказать,
Что, постепенно холодея,
Все перепуталось, и сладко повторять:
Россия, Лета, Лорелея¹.

В пореволюционные дни этот текст казался актуальным, особенно в имажинистском альманахе. Кто его туда пристроил? Сам ли Мандельштам дал стихотворение молодым поэтам или они напечатали, никого не спросив? Ни мандельштамоведы, ни литературоведы, занимающиеся имажинистами, не могут дать ответа на этот вопрос. Уместны только гипотезы.

Так как уже через год Мандельштам будет тесно общаться со всеми имажинистами (в том числе и с Мариенгофом), можно предположить, что к этому времени они уже были знакомы. Возможно, поэты успели подружиться в дореволюционной Пензе, а возможно, в Москве, когда Мариенгоф приезжал учиться в Московском государственном университете. Так или иначе, «Декабрист» в «Исходе» был первым признаком их общения, растянувшегося на годы.

Позже, когда возникнет журнал «Гостиница для путешествующих в прекрасном», сотрудничество с имажинистами продолжится: в первом номере будут опубликованы статья «Девятнадцатый век» и стихотворение «Сеновал». При этом стихотворение впоследствии разделится на два: «Сеновал» без одной строфы и «Я не знаю, с каких пор...».

Литературоведы до сих пор удивляются этому сотрудничеству. Екатерина Иванова (Федорчук), исследовательница В.Г. Шершеневича, в своей диссертации пишет: «Участие в проекте имажинистов О. Мандельштама может вызвать некоторое удивление, ведь

¹ Мандельштам О.Э. Декабрист // Альм. «Исход». 1918. С. 25–26.

его творческие искания были весьма далеки от направления, избранного имажинистами <...> В приведенном эссе О. Мандельштама есть несколько пунктов, которые были близки позиции редакционной коллегии журнала, в особенности А. Мариенгофу: резкая критика самодостаточной методологии, абстрагирования, подмены поэзии методом, что очевидно и послужило причиной того, что поэзию стала заменять формальная теория» [Иванова 2005, с. 296].

То есть Иванова сначала удивляется появлению Мандельштама в журнале, а потом пытается это объяснить и упорядочить. Выходит, что можно найти точки соприкосновения. Это отмечал еще и Шершеневич в «Великолепном очевидце»: «В спокойствии строк [Мариенгофа] есть какой-то пафос, роднящий его с О. Мандельштамом»².

Для иллюстрации можно взять стихотворение, опубликованное в «Гостинице», – «Я не знаю, с каких пор...». Здесь и пафос, здесь и полное соответствие поэтической практике Мариенгофа: смешивается чистое и нечистое – вор, который должен действовать бесшумно, громко шуршит; комар-букашка становится князем; разговор, который должен в себе что-то нести, оказывается пустым и т. д.

Пафос Мандельштама и пафос Мариенгофа – не-человеческий, вне-земной, вне-временной – пафос космических масштабов. У обоих поэтов взгляд демиурга. Единственная разница (помимо наполненности поэтик) – в созидательности. У Мандельштама – строгая гармония, в то время как у Мариенгофа – попытка расшатать ее. Это четко проявляется в образе неба:

Небу, небу я сделаю выкидыш
И выжму из сосцов Луны молоко...
[Мариенгоф 2013, с. 196]³

А вот Мандельштам несколько лет спустя:

А небо будущим беременно –
Пшеницей сытого эфира⁴.

² Шершеневич В.Г. Великолепный очевидец. М.: Терра, Книжный клуб «Книговек», 2018. С. 531.

³ Мариенгоф А.Б. «Небу, небу я сделаю выкидыш...» // Мариенгоф А.Б. Собр. соч.: В 3 т. (в 4 кн.). М.: Терра, Книжный клуб «Книговек», 2013. Т. 1. С. 196.

⁴ Мандельштам О.Э. А небо будущим беременно... // Мандельштам О.Э. Собр. соч.: В 4 т. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993. Т. 2. С. 48.

Все это хотя бы отчасти объясняет пристальное внимание Мариенгофа к творчеству Мандельштама. На рубеже 1910–1920-х гг. они находились в одном культурном пространстве. С середины 1920-х гг. оба поэта все чаще покидают Москву. Очередная точка сближения – Коктебель начала 1930-х гг.

В послевоенное время стихи О. Мандельштама встретятся в пьесе «Золотой обруч» А. Мариенгофа и М. Козакова, где сквозь обновленный советский Крым отчетливо проглядывает Коктебель и всюду ощущается М. Волошин как *genius loci*. Сюжет пьесы строится на любовной линии. Есть девушка Галя, героиня Великой Отечественной войны, и Феликс Русов, видный партийный работник, который приехал в курортный город бороться с коррупцией. Неожиданно появляется Вадим Троевич – бывший жених Гали. Девушка полагала, что он погиб в плену у севастопольского гестапо. Однако война закончилась, и живой и невредимый герой объявился на родине. Перед Галей, как в производственных романах, ставится нелегкий выбор: хороший парень Вадим Троевич или очень хороший Феликс Русов.

В самый ответственный момент возникает стихотворение «Я наравне с другими» (1920) Мандельштама. Его читает Вадим Троевич:

Еще одно мгновенье,
И я скажу тебе:
Не радость, а мученье
Я нахожу в тебе.
И, словно преступленье,
Меня к тебе влечет
Искусанный в смятеньи
Вишневым нежный рот⁵.

С помощью этого стихотворения герой признается в любви Гале. Однако он понимает, что прошло уже большое количество времени и что в отличие от своей возлюбленной он оказался слабым: когда нужно было бежать из севастопольского гестапо и участвовать в ополчении, он не решился на это. В итоге Галя стала героиней войны, а он – всего лишь выжившим солдатом. С девушки – иной спрос. И Вадим Троевич уступает ее Феликсу Русову.

Помимо «Золотого обруча» появляется еще одно обращение к мандельштамовским текстам. Мариенгоф берется за пьесу «Актер

⁵ *Мандельштам О.Э.* Я наравне с другими // Мандельштам О.Э. Сочинения: В 2 т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 1. С. 136.

со шпагой» (1944) – о становлении первого русского театра, о первых его актерах и Федоре Волкове, его основателе.

Первый профессиональный театр был создан по приказу императрицы Елизаветы Петровны в 1756 г. Труппу возглавлял Волков, а самим театром руководил Сумароков. Сюжет пьесы – история становления и смелые поступки главного героя: разоблачение Петра III и помощь в восшествии на престол Екатерины Великой.

Мариенгоф дает своим персонажам полную волю. Они выговаривают все, что накопилось в душе. А главный герой, как ему и положено, произносит разоблачительный монолог:

Царица мне пожаловала шпагу,
 Но шпага та – лишь символ благородства –
 Она тупа. Клинок комедиантский.
 Чтоб наточить его, чтоб стал
 Острей, чем бритва брадобрёя,
 Клянусь: я собственное сердце
 В твердейший камень обращу
 И наточу старательно на нем
 Безжалостную сталь. Нет, и тогда
 Ребяческим мое оружие будет.
 Пускай язык, глаза мои и мысли
 Клинками станут! Боже, помоги
 Всем естеством, всем существом
 Мне обратиться в шпагу. В шпагу! В Шпагу!
 Других желаний я теперь не знаю.
 Одно! Все остальные прочь!
 Им места нет свободного в душе⁶.

Есть в этой «бритве брадобрёя», в сердце, обращенном в камень, нечто легкоузнаваемое:

Как облаком сердце одето
 И камнем прикинулась плоть,
 Пока назначенье поэта
 Ему не откроет Господь:

Какая-то страсть налетела,
 Какая-то тяжесть жива;
 И призраки требуют тела,
 И плоти причастны слова.

⁶ А.Б. Актер со шпагой // РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 3. Ед. хр. 1705. Л. 47, 50.

Как женщины, жаждут предметы,
Как ласки, заветных имен.
Но тайные ловит приметы
Поэт, в темноту погружен.

Он ждет сокровенного знака,
На песнь, как на подвиг, готов;
И дышит таинственность брака
В простом сочетании слов⁷.

Это стихотворение Мандельштама «Как облаком сердце одето...» (1910) из первого издания сборника «Камень». Комедиантский клинок Федора Волкова метафорически затачивается важным и разящим, но при этом «простым сочетанием слов».

Сам образ «актера со шпагой» идет от портрета Федора Волкова, выполненного художником А.П. Лосенко. Там комедиант изображен в красной накидке и с кинжалом. Как уверяют искусствоведы, картина имеет два прочтения – культурное (актер в образе) и политическое.

Обратимся к книге «Кинжал Мельпомены», где автор четко обрисовывает всю ситуацию вокруг Федора Волкова.

Неслучайно – утверждали слухи – между офицеров затесался комедиант. Правда, главные заговорщики, Григорий и Алексей Орловы, кого не вербовали: всех отчаянных, недовольных, разорившихся... Но среди награжденных только трое без дворянского звания – братья Волковы и кассир Евреинов. И всех их теперь в дворяне. За какие такие заслуги и «известную всем» (как гласит указ) службу? И слухи ползли дальше, порой теряя всякую достоверность.

Все версии, почему Волкову вместе с братом императрица оказала такую милость, строятся на том, что актер помог взойти Екатерине Великой на трон и во время переворота «действовал умом». На последнем и акцентируется внимание.

Первый слух строится на том, что Волков – умелый импровизатор. Якобы императрица после заточения Петра III прибыла в Петергоф для принятия присяги, а текст манифеста затерялся. Тогда из толпы вышел Федор Волков, посоветовался с приближенным Екатерины и спас положение: достал чистый белый лист

⁷ Мандельштам О.Э. «Как облаком сердце одето...» // Мандельштам О.Э. Сочинения: В 2 т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 1. С. 278.

и «зачитал» с него манифест. Второй слух – что текст манифеста заранее был заготовлен Волковым и неким Григорием Тепловым. Третий – что Волков причастен к смерти Петра III.

Все эти версии дополняются излишней скромностью Волкова, которому Екатерина якобы предложила пост кабинет-министра и хотела возложить на него орден Андрея Первозванного. Но молодой человек от этого отказался и решил остаться простым комедиантом.

В пьесе «Актер со шпагой» Мариенгоф дает иную трактовку: Волков разоблачает на бале-макскараде шпионскую сеть симпатизантов короля Фридриха II. А началось все с того, что прусский дипломат Фон Хоф вручил Петру III перстень с рубинами, образующими букву «Ф». Потому и потребовалась Мариенгофу аллюзия на мандельштамовского «Ариоста» (1933).

Людовико Ариосто (Ариост) (1474–1533) – итальянский поэт, автор поэмы «Неистовый Орланд», в которой описывается «путешествие на Луну» за утраченным Орландом рассудком. То есть возможности волковской фантазии и его импровизации кажутся Мариенгофу сродными дарованиям Ариоста.

А я люблю его неистовый досуг –
Язык бессмысленный, язык солено-сладкий
И звуков стакнутых прелестные двойчатки...
Боюсь раскрыть ножом двустворчатый жемчуг⁸.

Понятно, почему Волков стремится наточить свой комедиантский клинок, чтоб тот «стал острее, чем бритва брадобрея». У Мандельштама в стихотворении появляются такие строчки:

В Европе холодно. В Италии темно.
Власть отвратительна, как руки брадобрея,
А он вельможится все лучше, все хитрее
И улыбается в крылатое окно...⁹

Волков у Мариенгофа стремится использовать тот же инструментарий, которым пользуется власть, потому и необходимо дать узнаваемую аллюзию и показать лишний раз Петра III «отвратительной» фигурой.

Удивительно, но на этом история пристального чтения не заканчивается.

⁸ *Мандельштам О.Э.* Ариост // Мандельштам О.Э. Сочинения: В 2 т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 1. С. 195.

⁹ Там же.

Имажинисты, пережившие Великую Отечественную войну, к концу своей жизни стали выделять тех поэтов, кого декларативно не замечали несколько десятилетий или опять-таки декларативно не воспринимали всерьез. Для них на первом месте (помимо собственных персон) были Есенин и Маяковский. Но после смерти первого и второго в литературном процессе начали проявляться новые персонажи. Их не воспринимали, зато выделяли в «шуме времени» своих прежних оппонентов: Александр Кусиков – Бориса Пастернака, Анатолий Мариенгоф – Осипа Мандельштама.

Свою книгу мемуаров «Это вам, потомки!» Мариенгоф завершает тремя стихотворениями – «Лишив меня морей, разбега и разлета...», «Пусти ж меня, отдай меня, Воронеж...» и «Куда ж мне деться в этом январе?..». Библиотеки он не имел. Издания собственных книг не хранил. Если и были в доме стеллажи, то у его сына Кирилла. Можно, конечно, предположить, что Мариенгоф с 1930-х гг. помнил стихи Мандельштама, но в таком случае тексты, появившиеся в мемуарах, имели хотя бы малейшие разночтения с оригиналами. Да и, кажется, с 1933-го поэты не пересекались. Можно было бы предположить, что вышеназванные стихотворения где-то публиковались. Но Павел Нерлер отмечает, что первая публикация «Воронежских тетрадей» состоялась в 1965–1966 гг. в журнале «Подъем».

Вероятней всего, что до Мариенгофа доходили самиздат и тамиздат. В пользу этой версии есть несколько аргументов. Во-первых, писатель был хорошо знаком с первым «сам-себя-издателем» Николаем Глазковым. Во-вторых, он явно знал об издательской деятельности на Западе. В переписке с женой Мариенгоф полусуто предсказывает издание в первом томе собрания сочинений – «Писем к жене А.Б. Мариенгофа». И указывает, что книга будет посмертной и изданной на Западе: в качестве места издания значатся Нью-Йорк, Лондон и Париж.

Самая близкая по дате к мемуарам книга Мандельштама – собрание сочинений, выпущенное в Нью-Йорке под редакцией Г.П. Струве и Б.А. Филиппова в 1955 г. Возможно, что именно по ней Анатолий Борисович читал и сверял стихи. А возможно, что общался с вдовой поэта Надеждой Мандельштам. Правда, если бы это на самом деле было, она сохранила бы хоть пару строк об этом в своих книгах. Многие знакомые Мариенгофа – Сергей Образцов, Дмитрий Шостакович и пр. – ездили за границу. Вероятно, с их помощью и удалось достать тамиздат.

Литература

Иванова 2005 – *Иванова (Федорчук) Е.* «Гостиница для путешественников в прекрасное»: имажинисты в дискуссии о национальном самоопределении искусства // Наследие Есенина и русская национальная идея: современный взгляд: Материалы Международной научной конференции. Москва; Рязань; Константиново: РГПУ, 2005. С. 296.

References

Ivanova (Fedorchuk), E. (2005), “Hotel for those traveling to the beautiful”: imagists in a discussion about the national self-determination of art”, *Nasledie Esenina i russkaya natsional'naya ideya: sovremenniy vzglyad. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Yesenin's Legacy and the Russian National Idea. A contemporary view. Proceedings of the International Scientific Conference], RSPU, Moscow, Ryazan, Konstantinovo, Russia, p. 296.

Информация об авторе

Олег В. Демидов, Лицей Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия; 109240, Россия, Москва, ул. Солянка, д. 14А, стр. 1, romantuwka@bk.ru

Information about the author

Oleg V. Demidov, Lyceum of National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia; bld. 14A, ed. 1, Solyanka Str., Moscow, Russia, 109240, romantuwka@bk.ru